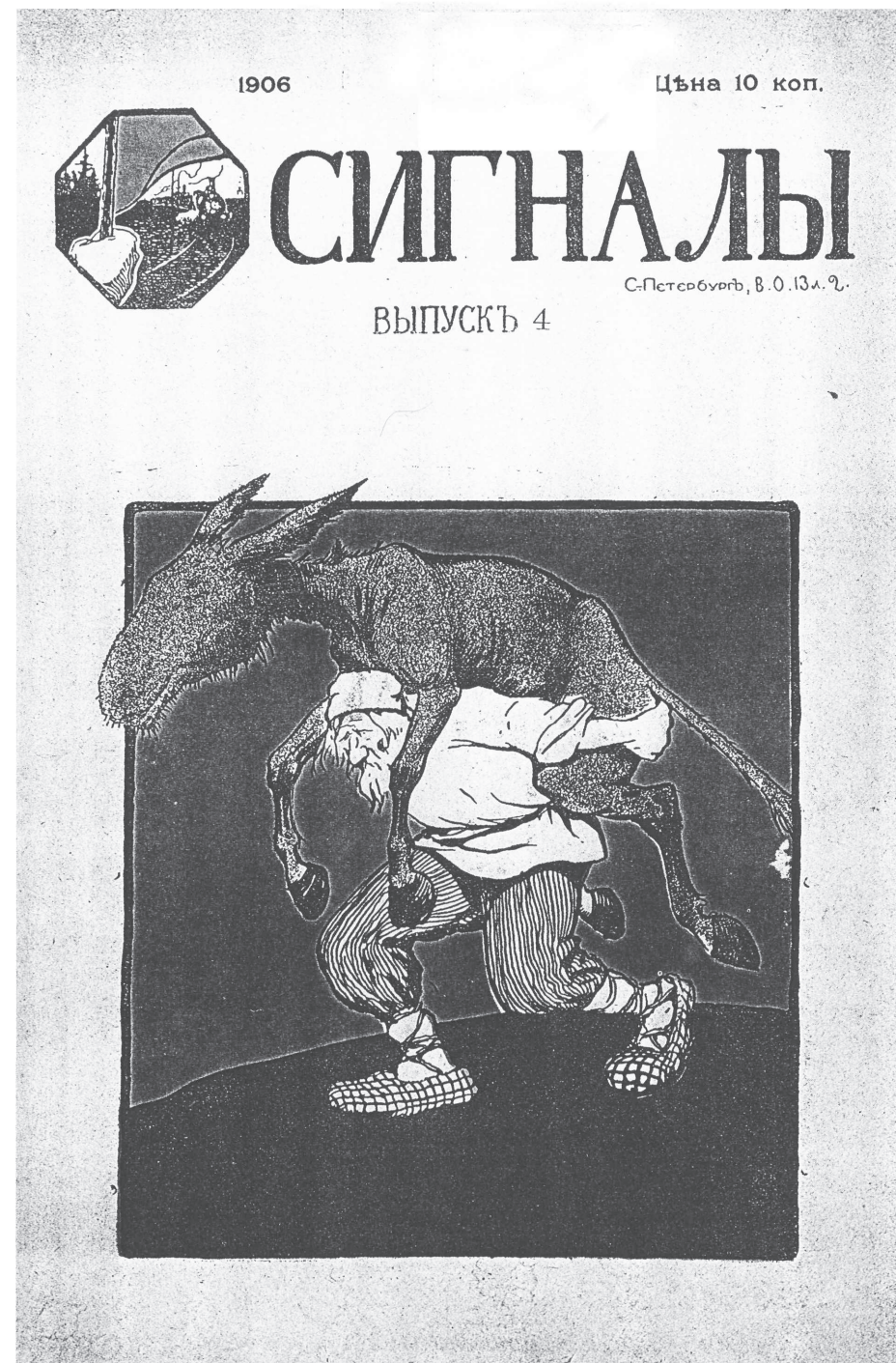

Примечания

- ¹ Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение»: <http://www.fom.ru/reports/frames/of1990501.html>
- ² Опрос, проведенный Фондом «Левада-Центр»: <http://www.levada.ru/press/2007072302>. См. также: Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Полис. 2008. № 1, 2, 3.
- ³ Кантор В. «...Есть европейская держава»: Россия: Трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М., 1997. С. 467–477.
- ⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1964. С. 351. Впервые книга была опубликована в Лондоне в 1885 г. на английском языке, за два года выдержала три издания, одновременно вышла в США, в 1887 г. — в Швеции и Франции.
- ⁵ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 323, 335, 395.
- ⁶ Кожурин Ю.Ф. Модернизация и индустриализация России в контексте цивилизационного и стадийного подхода // Индустриальное наследие. Саранск, 2007. С. 167, 169, 170, 171.
- ⁷ Филюшкин А.И. Как Россия стала для Европы Азией // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 225–226.

Введение

Перед читателем — первое в мировой историографии исследование по исторической антропометрии в России. Главная его цель — оценить динамику благосостояния россиян в имперский период. Этот аспект жизни общества важен сам по себе и, кроме того, может служить важным аргументом при анализе общего развития России в период империи и при оценке политики правящих верхов.

В настоящее время в литературе нет однозначного толкования понятия «уровень жизни», или его синонима «благосостояние». Причина в том, что уровень жизни — весьма емкое понятие, которое используется совместно с такими близкими, но *не синонимичными* по смыслу, понятиями, как качество жизни, положение населения и другие. До конца XX века в различных толкованиях уровня жизни акцент делался на *материальных компонентах*, теперь общепринято, что понятие должно включать достаточно широкий набор благ. Поэтому в современной экономической литературе предлагаются модельные наборы из многих индикаторов для оценки уровня жизни. В России используется разработанная Госкомстатом система из 56 показателей, а также разработанная РАН (Институтом социально-экономических проблем народонаселения) система из 49 показателей. В ООН (1989 г.) разработана система из 50 индикаторов, а в качестве минимального набора принимается 14 показателей. Везде присутствуют занятость и условия труда, санитарно-гигиенические условия жизни, демографические характеристики, питание, доходы и расходы, стоимость жизни и цены, образование и культура, социальное обеспечение, организация отдыха и даже свобода человека. С 1990-х гг. в качестве обобщающего показателя уровня жизни используется *индекс человеческого развития*, который учитывает три показателя — долголетие, уровень образования и валовой внутренний продукт. В определениях *качества жизни* акцент делается на *степени удовлетворенности* населения жизнью с точки зрения столь же широкого набора потребностей¹.

После многих лет работы над проблемой, обработав все доступные мне материалы, я пришел к следующим выводам: (1) Историкам при всем усердии никогда не удастся получить даже минимальный набор показателей ни об уровне, ни о качестве жизни, рекомендуемый современной наукой, даже для последних десятилетий существования империи. (2) Индекс человеческого развития можно приблизительно рассчитать только для пореформенного периода, 1861—1913 гг., причем лишь для страны в целом. (3) Следует либо отказаться от попыток получить представление о динамике уровня жизни за длительный отрезок времени, либо найти альтернативные показатели, которые обеспечены источниками.

К счастью, наука нашла такой *альтернативный* показатель — конечный рост (дефинитивная длина тела²) людей, который принимается в биологической и экономической науках в качестве замещающего интегрального индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса. Его использование опирается на доказанный в биологии человека факт, что дефинитивный средний рост людей характеризует степень удовлетворения их базисных потребностей в пище, одежде, жилище, медицинском обслуживании и т. п. Люди, чьи базисные потребности удовлетворяются лучше, превосходят ростом тех, чьи базисные потребности удовлетворяются хуже, и наоборот. Из этой парадигмы следует, что в рамках одного этноса высокие люди, взрослые и дети, в массе своей лучше питались, имели лучший уход и жилищные условия,

меньше болели и т.д., Т. е. обладали более высоким биостатусом, чем люди с низким ростом. Данные о среднем росте позволяют оценить, как удовлетворяются базисные потребности людей, и благодаря этому судить о динамике благосостояния населения в целом.

В монографии обобщаются результаты многолетней работы автора по имперскому периоду. База данных включает 306 тыс. индивидуальных и около 10 млн. суммарных сведений о росте, весе и других антропометрических показателях мужского и женского населения, родившегося в 1695—1920 гг., из четырех общероссийских архивов — Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива военно-морского флота, Архива Военно-исторического музея артиллерии и войск связи, а также из шести областных архивов — Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Национального архива республики Карелия, Государственных архивов Саратовской, Нижегородской, Новгородской областей и Ставропольского края.

Анализ столь солидной базы антропометрических данных позволяет получить полное и объективное представление об изменении уровня жизни в России за 220 лет, в том числе в региональном измерении. Полученная картина дополняется и проверяется сведениями о сельскохозяйственном производстве, налогах и повинностях, доходах, ценах и зарплате, питании и демографии, крестьянских и рабочих бюджетах, а также национальном доходе (используется вся известная статистика по этим вопросам).

Мы рассматриваем благосостояние населения как *конечный результат* совместных усилий со стороны населения и правительства в деле переустройства российской жизни, начавшегося петровскими реформами в конце XVII в. и закончившегося николаевскими реформами начала XX в., и одновременно как важнейший показатель *успешности модернизации*. Если уровень жизни систематически повышался, значит, реформы, начатые верховной властью в конце XVII в. и шедшие непрерывной чередой в течение двух с лишним веков, были, по крайней мере в экономическом отношении, эффективными и отвечали насущным потребностям большинства населения, независимо от того, встречали реформы у него поддержку или нет. Если же, наоборот, материальное положение большинства людей понижалось, то оценка реформ должна быть прямо противоположной. Благосостояние населения может служить важнейшим критерием при оценке общего развития России, политики правящих верхов и адекватности так называемого освободительного и революционного движения общественным потребностям.

Монография состоит из введения, двенадцати глав, заключения, статистического приложения, списка источников и литературы, словаря специальных терминов, именного и предметного указателей.

В первой главе рассматривается отечественная и зарубежная историография благосостояния населения имперской России. Анализ литературы показывает, что существуют разные точки зрения на проблему. Одни авторы утверждают, что в течение всего периода империи уровень жизни снижался, другие — что динамика благосостояния носила циклический характер, третьи — что имеющиеся сведения недостаточно для каких бы то ни было прочных выводов. Различны взгляды и на динамику уровня жизни в отдельные десятилетия. В такой

ситуации целесообразно обратиться к новым источникам и подходам. Такую возможность, по нашему мнению, дает историческая антропометрия.

Вторая глава посвящена краткой истории, предмету, задачам, теоретическим основам и методологии исторической антропометрии. С допустимыми в историческом исследовании подробностями рассматриваются основные понятия новой дисциплины, суть экономического подхода к антропометрическим данным, почему тело человека может служить показателем уровня жизни, а также и методологические вопросы: вариационные ряды роста и их характеристики, цензурированная, или усеченная, выборка, округление и аккумуляция при измерении роста и возраста, стандартизация состава выборок и некоторые другие.

В третьей главе оценивается современное состояние мировой исторической антропометрии как нового направления в науке и рассматривается историография антропометрических исследований в России в XIX — начале XX в. и в 1917—2007 гг.

В четвертой главе анализируется база антропометрических данных, источниками которых являются медицинские обследования мужчин при наборе в армию в 1730—1940 гг. и измерения рабочих и крестьян земскими врачами в последней трети XIX в. Собранные сведения оцениваются под углом зрения состава измеренных лиц (по возрасту, социальному статусу, году и месту рождения, образованию, этнической и конфессиональной принадлежности, семейному состоянию и профессии) и с точки зрения репрезентативности, точности сведений о росте и возрасте. Во второй части главы на основе математико-статистического анализа выясняется, что рост новобранцев и рабочих зависел от их возраста, социального статуса, семейного положения, профессии, конфессии, этнической принадлежности, места жительства. В связи с этим возникает проблема оценки однородности выборочных данных по отдельным пятилетиям. Дело в том, что наблюдаемые различия в среднем росте между лицами, рожденными, скажем, в начале и конце XVIII в., могут объясняться не изменениями в уровне жизни, а различиями в составе выборочных данных. Анализ выборочных данных показал, что в большинстве случаев выборки по пятилетиям и районам достаточно однородны, но для максимально возможной точности целесообразно их стандартизировать с помощью специально разработанного для таких случаев метода — множественного регрессионного анализа.

Пятая и шестая главы посвящены анализу динамики роста мужского населения соответственно в XVIII в. и XIX — начале XX в. по пятилетиям, а также анализу социально-экономических, политических и экологических факторов, ее определявших: налогам и повинностям, сельскохозяйственному производству, войнам и реформам, изменениям климата, социально-экономической политике верховной власти, смещению центра населенности на Юг. Для XIX — начала XX в., помимо данных о росте мужчин, привлечены данные об их весе, обхвате груди, а также о росте женщин.

В седьмой главе анализируется географическое распределение роста в XVIII — начале XX в. с точки зрения согласованности в динамике роста и степени различий в росте между регионами. Кроме того, проведен множественный регрессионно-корреляционный анализ факторов географии роста, смертности и воинского брака отдельно для середины и конца XIX в.

Восьмая глава посвящена динамике роста в отдельно взятой Саратовской губернии за 1760—1915 гг. Цель — показать, что историко-

антропометрическое исследование можно проводить не только в масштабах страны или региона, но и отдельной губернии, если для этого достаточно антропометрических данных. Кроме того, интересно было посмотреть, как закономерности в изменении роста, выявленные на российском и региональном материале, проявились в отдельной губернии.

В девятой главе дан анализ питания, воинского брака и смертности в XIX — начале XX в. под углом зрения благосостояния и в связи с изменениями роста и веса.

В десятой главе рассмотрена динамика цен и зарплаты в России в имперский период. Впервые в отечественной историографии построен индекс потребительских цен, номинальной и реальной зарплаты плотника — самой популярной профессии в Санкт-Петербурге — за 1703—1913 гг. Анализ имеющихся сведений о ценах и зарплате по России позволил вывести, полученные по столице, корректно распространить на всю страну.

В одиннадцатой главе изучаются представления современников XIX — начала XX в. о благосостоянии крестьянства. В качестве информаторов использованы крестьянские мемуаристы и эксперты, принимавшие участие в работе Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства (1872—1873 гг.), Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднестатистических губерний (1901—1903 гг.) и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902—1905 гг.

В двенадцатой главе обобщаются результаты проведенного в монографии анализа и предлагается их экономическая, социальная и политическая интерпретация, в ходе которой пересматриваются некоторые устоявшиеся стереотипы о жизненном уровне, внутренней политике и эффективности реформ в имперской России.

В заключении подводятся общие итоги развития России в период империи.

Приложение содержит шесть таблиц с данными о динамике и географическом распределении среднего роста мужского населения России в 1701—1920 гг.

В списке источников указаны все главные архивные дела, из которых почерпнуты сведения, а также приведен список использованной литературы, насчитывающий более 1400 названий.

В словаре специальных терминов дается толкование статистических, математических, медицинских и антропологических понятий, используемых в монографии.

Примечания

¹ Ефимова М.Р., Бычкова С.Г. Социальная статистика. М., 2004. С. 462–475.

² В современной отечественной антропологии принят термин *длина тела*, но, поскольку в своем исследовании оперирую данными, собранными в те времена, когда этот антропометрический признак назывался *ростом*, я буду по преимуществу использовать его, делая исключение для новорожденных, у которых все-таки измеряется *длина тела* в лежачем положении, а не *рост* в общепринятом понимании.

А. В. Нодский

В. У. Семеновский

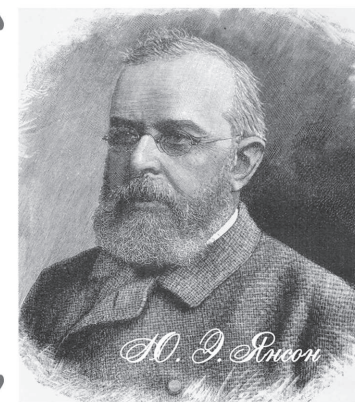

А. А. Кауфман

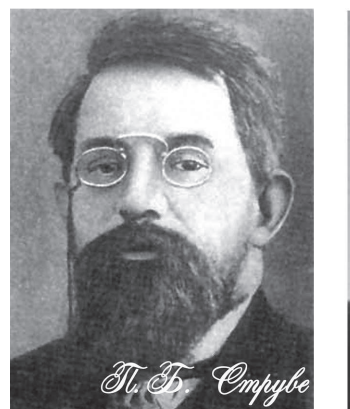

А. А. Демт

Глава I. Благосостояние населения имперской России в отечественной и зарубежной историографии

Н. И. Писон

Н. Б. Стрыже

С. И. Струмилин

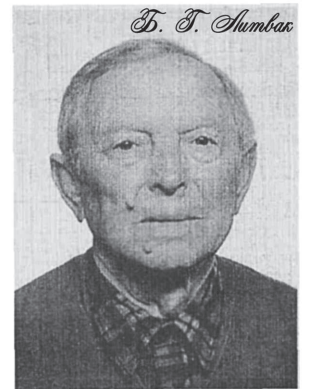
Дружинин Н. М.

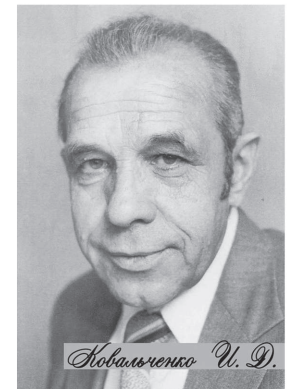
Власов А. А.

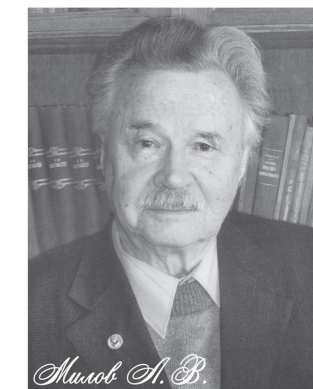
Андрияев А. М.

Б. И. Шумбар

Кобальченко У. Д.

Муров А. В.